

Оригинал здесь: <http://cfrl.ru/prose/panaev/panaev.shtm>

ГЛАВА I

В селе Благовещенском числилось 232 души мужеска пола. Село Благовещенское принадлежало шестерым владельцам, из которых три имели в нем постоянное местопребывание: холостой и отставной армейский поручик Брыкалов, лет сорока; неслуживший дворянин Ардальон Игнатьич Стойковский, пятидесяти девяти лет, отец многочисленного семейства и слуга супруги своей Агафьи Васильевны, барыни толстой, с бельмом на правом глазу, – и, наконец, сестрица Ардальона Игнатьича – Олимпиада Игнатьевна, вдова лет пятидесяти шести, не без основания пользовавшаяся уважением всего околотка за свои нравственные и религиозные правила. У Олимпиады Игнатьевны были сын и дочь – Петруша и Наташа. Петруше было лет девятнадцать, Наташе двадцать два года.

Из 232 душ села Благовещенского, Брюхатово тож, 62 души принадлежали Олимпиаде Игнатьевне, 85 душ ее брату, 45 поручику Брыкалову, а остальные за тем другим владельцам, о которых упоминать здесь не для чего. Три барские дома красовались в разных концах села Благовещенского. Впрочем, красовался, собственно, только один барский дом, принадлежавший Ардальону Игнатьичу, потому что этот дом был обит тесом, выкрашен краской и находился на самом завидном месте, то есть на небольшой площадке против церкви. Дом Олимпиады Игнатьевны был не то чтобы совсем дом, а так, что-то среднее между домом и избой: старый, не обшитый тесом, он стоял, одинокий и мрачный, покачнувшись набок, на самом конце деревни. Ни одного дерева, ни одного кустика не было кругом его – только сзади двор, обнесенный плетнем, голый двор, выжженный солнцем и скользкий во время летней засухи, как паркет, а на дворе три или четыре людские избушки, также дряхлые. Поручик Брыкалов жил просто в большой крестьянской избе, крытой соломой.

Грех сказать, чтобы владельцы села Благовещенского жили в любви и мире. Нога Ардальона Игнатьича три года не переступала порога его сестрицы Олимпиады Игнатьевны... И хотя он, по своему кроткому и богобоязливому характеру, каждый год на страстной неделе покушался примириться с нею и каждый год начинал к ней письмо следующими строками:

"Милостивая Государыня любезнейшая сестрица.

Приступая ныне к великому Делу с подобающими истинному Христианину чувствами нелицемерного смирения и покаяния в своих проступках и вместе с тем, так как Родственные наши отношения поколеблены... то..."

Но на этом то Агафья Васильевна всякий раз ловила его, выхватывала у него начатое письмо и рвала в мелкие кусочки.

Родственное согласие Ардальона Игнатьича и Олимпиады Игнатьевны, возмущавшееся довольно часто Агафьей Васильевной, окончательно было прервано на любовном размежевании за какой-то клочок неудобной земли. Этот клочок Агафья Васильевна ни за что не хотела уступить Олимпиаде Игнатьевне, Олимпиада же Игнатьевна, в свою очередь, ни за какие блага не хотела уступить Агафье Васильевне. Таким, образом, несмотря на невероятные усилия посредника, любовное размежевание земли села Благовещенского до сих пор не состоялось. Долг справедливости заставляет, впрочем, заметить, что не одни Агафья Васильевна и Олимпиада Игнатьевна были препятствием к любовному размежеванию. Поручик Брыкалов почему-то твердо вознамерился присвоить себе 4 1/2 десятины земли под строевым лесом, бесспорно принадлежавшие Ардальону Игнатьичу, и, несмотря ни на какие доводы, объявил торжественно, что он слышать ничего не хочет, что хоть до ножей дело дойдет, а он не уступит эти 4 1/2 десятины. Рассказывали также (за достоверность этого я не могу, однако, поручиться), что поручик неоднократно подсылал крестьян своих по ночам рубить лес Ардальона Игнатьича и что Агафья Васильевна, увидев однажды из окна Пантелея, старосту поручика, изволила выбежать сама на двор в одной кофточке (некоторые злые языки уверяют, что даже и без кофточки) и с грозивши телодвижениями закричала вслед ему: